

ОБОРОНА ШИПКИ.

Боевая служба и жизнь артилеріи на Шипкѣ.

(Статья третья) ¹⁾.

III.

Бой 10-го августа.

Періодъ съ 6-ти часовъ до 11-ти час. утра.—Дѣйствія Малой батареи.—Дѣйствія прочихъ батарей.—Выстрѣлъ Горбова.—Періодъ съ 11-ти до 2-хъ часовъ.—Стрѣльба по Сахарной головѣ.—Выстрѣлъ Петрова.—Подвигъ Шульгина.—Попытка атаковать скалы.—Періодъ съ 2-хъ часовъ до вечера.—Успѣхъ Девятиглазой.—Вечеръ 10-го августа.—Работы на батареяхъ.—Тыльная батарея.—Потери и расходъ снарядовъ.—Ночь съ 10-го на 11-е число.

Съ разсвѣтомъ открылась ружейная пальба. За ночь непріятель успѣлъ построить ложементъ, на площадкѣ передъ Малою батареею, а другой—въ такомъ направленіи, что изъ него можно было брать во флангъ Стальную и четвертый взводъ. Противъ Большой батареи также выведенъ ложементъ, изъ котораго обстрѣливался весь юго-западный скатъ Св. Николая. За ночь же непріятель успѣлъ также окончить батарею на Бердекѣ. Теперь она представлялась ясною черною полоскою съ девятью просвѣтами въ видѣ четырехъугольниковъ, отчетливо обрисовывавшихся на свѣтломъ фонѣ неба. Тотчасъ же было дано названіе этой девятиамбразурной батареи—«Девятиглазая», и это названіе за ней такъ и осталось до конца обороны. Сколько было теперь орудій на «Девятиглазой», нельзя было опредѣлить, но стрѣльба производилась чрезъ всѣ девять амбразуръ, хотя и не одновременно.

Устанавливая орудія на Бердекѣ, непріятель, очевидно, считалъ этотъ пунктъ очень важнымъ, такъ какъ съ него можно было

обстрѣливать всю гору Св. Николая и подготовить атаку на Стальную, мѣсто, считавшееся, повидимому, турками наиболѣе доступнымъ и удобнымъ для атаки; между тѣмъ какъ слабѣйшимъ оборонительнымъ у насъ пунктомъ слѣдовало бы считать Большую батарею.

Съ 6-ти часовъ открылся артилерійскій огонь, «Девятиглазая» отлично пристрѣлялась къ Стальной. Большая часть ея снарядовъ перелетала черезъ батарею и засѣдала въ турецкомъ брустверѣ, находившемся позади Стальной; нѣкоторыя же гранаты перелетали и чрезъ турецкій брустверъ и ложились въ лоцину между подъемомъ на гору Св. Николая и Круглою батареею. Причиною тому, что непріятель хорошо стрѣлялъ въ этотъ день по Стальной, были бонеты, устроенные наканунѣ. Бонеты между желобами, насыпанные съ цѣлью предохраненія прислуги отъ пуль, дѣйствительно, исполняли свое назначеніе; но вмѣстѣ съ тѣмъ, они превращали прежніе желобы въ «полуамбразуры». Эти полуамбразуры, рѣзко очерчиваясь на темномъ фонѣ турецкаго бруствера, находившагося въ тылу Стальной, значительно облегчали стрѣльбу непріятелю. Сверхъ того, онѣ обнаружили тотчасъ же свой недостатокъ, присущій всѣмъ амбразурамъ—стѣсненіе обстрѣла, а самые бонеты отъ попадавшихъ въ нихъ гранатъ валились на прислугу.

Въ этотъ день всѣ выгоды были на сторонѣ Девятиглазой и перевѣсъ остался за нею. Подпоручикъ Киснемскій, не имѣя теперь достаточнаго числа снарядовъ, вынужденъ былъ беречь ихъ на случай близкой стрѣльбы во время атаки. Прислуга стальныхъ орудій все-таки подвергалась ружейному огню справа, который сталъ болѣе мѣтокъ, благодаря тому, что производился изъ ложемента, расположеннаго внѣ нашего дѣйствительнаго ружейнаго огня. «Девятиглазая» же, напротивъ, не подвергалась нашему ружейному огню, и, не стѣсняясь расходомъ снарядовъ, подвозъ которыхъ могъ быть безопасно производимъ съ той стороны хребта, бросала въ Стальную массу снарядовъ. Въ виду всѣхъ этихъ условій и принявъ въ соображеніе бесполезность, при такихъ условіяхъ, бороться съ «Девятиглазою», подпоручикъ Киснемскій совѣмъ прекратилъ огонь. Но тогда открывалъ стрѣльбу четвертый взводъ прапорщика Мамышева. Не тревожимый сильно ружейнымъ огнемъ изъ турецкаго ложемента справа, такъ какъ былъ закрытъ отъ него эполетомъ, четвертый взводъ удачно обстрѣливалъ «Девятиглазую» и привлекалъ часть огня ея на себя, отвлекши его, такимъ образомъ отъ Стальной. Подъ огнемъ орудій прапорщика Мамышева «Девя-

¹⁾ См. «Военный Сборникъ» 1894 г., № 5-й.

тиглазая» не могла достигнуть окончательной своей цѣли—разбить Стальную и подбить на ней орудія, а должна была, по временамъ, пускать 2—3 залпа въ четвертый взводъ. Но лишь только она опять принялась бить въ Стальную, четвертый взводъ начиналъ бить въ нее. Такимъ образомъ, въ этотъ періодъ, съ 7-ми до 11-ти часовъ, четвертый взводъ отвлекалъ огонь отъ Стальной на себя и этимъ отчасти способствовалъ тому, что «Девятиглазой» не удалось окончательно разрушить Стальную.

Въ то время, какъ дѣйствіе «Девятиглазой» по Стальной грозило окончательнымъ разрушеніемъ этой послѣдней, Малая батарея обратила свой огонь на новую цѣль, и потому не могла помочь Стальной отбиться отъ «Девятиглазой». Въ эту ночь, позади ложементовъ, построеннаго фронтомъ къ скаламъ, а флангами примыкававшего къ дорогѣ и лощинѣ, на той самой площадкѣ, гдѣ производилось сосредоточеніе турокъ передъ атакою на правый флангъ Стальной и на скалы, непріятель заложилъ новую батарею. Турки поняли важное значеніе Малой батареи, которая своимъ огнемъ оберегала скалы отъ атаки и, кромѣ того, не допускала усиливать части, дѣйствовавшія противъ слабѣйшаго пункта на Св. Николаѣ, противъ Большой батареи. Для непріятели являлась настоятельная необходимость сбить Малую батарею, чтобы имѣть возможность безпрепятственно сосредоточивать свои войска на упомянутой площадкѣ, находившейся внѣ нашего ружейнаго огня. Командиръ Малой батареи, штабсъ-капитанъ Пѣуновъ, съ своей стороны рѣшилъ употребить всѣ усилія, чтобы сбить батарею на площадкѣ, такъ какъ ясно видѣлъ, что если онъ допуститъ непріятельскую батарею пристрѣляться къ скаламъ, то Малая батарея не будетъ въ состояніи держаться подъ непріятельскимъ огнемъ изъ ложементовъ и батареи одновременно. (Очевидно, что непріятель, устанавливая орудія позади своего ложементовъ, рассчитывалъ на отличное дѣйствіе этой батареи, подъ прикрытіемъ сильнаго ружейнаго огня изъ упомянутого ложементовъ). Если уже Малая батарея не была бы въ состояніи отвѣчать, атака скалъ была бы значительно облегчена непріятелю. Весьма возможно было бы допустить, что этотъ пунктъ Св. Николая, дѣйствительно сильный по своему природному характеру, въ оборонительномъ же смыслѣ недостаточно прочный, какъ потому, что былъ сравнительно слабо занятъ, такъ и потому, что передъ нимъ было много мертвыхъ отъ ружейнаго огня пространствъ, этотъ пунктъ могъ перейти въ руки непріятели. Во всякомъ случаѣ, разъ что Малая батарея уничтожена огнемъ изъ ложементовъ и батареи на

площадкѣ, наши полторы роты на скалахъ не могли бы держаться подъ этимъ же огнемъ, тѣмъ болѣе, что за дальностью разстоянія наши роты не могли стрѣлять.

Всѣ эти соображенія побудили штабсъ-капитана Пѣунова оставить стрѣльбу по ложементу, и перенести весь огонь на батарею на площадкѣ раньше, чѣмъ она сама откроетъ огонь. Разстояніе до батареи было такое же, какъ и до ложементовъ—550 сажень. Два первые выстрѣла обвалили брустверъ новой батареи. Отважные рабочіе бросались въ ту же минуту исправлять обвалъ, но съ Малой батареи дали залпъ, и рабочіе разбѣжались. Между тѣмъ, изъ ложементовъ турки открыли частый огонь по Малой батарее; а такъ какъ непріятельская батарея молчала, то штабсъ-капитанъ Пѣуновъ пустилъ нѣсколько картечныхъ гранатъ въ ложементъ. Вскорѣ затѣмъ непріятель установилъ два орудія и успѣлъ сдѣлать два выстрѣла, не причинившіе, однако, никакого вреда ни батарее, ни ложементамъ. Тогда усиленная стрѣльба обоехъ орудій съ Малой батареи и одного орудія съ Большой, заставили окончательно замолчать эту батарею. Съ того времени непріятель не пытался установить тутъ орудій и скалы были освобождены отъ фронтальнаго артиллерійскаго огня.

Большая батарея въ этотъ періодъ картечными гранатами удерживала непріятели на южномъ и юго-западномъ скатахъ Св. Николая. Нѣсколько разъ непріятель дѣлалъ попытку атаковать батарею, но каждый разъ картечныя гранаты съ Большой батареи заставляли рассыпаться непріятельскія колонны. Непріятель старался овладѣть этою частью Св. Николая, можетъ быть, сознавая, что завладѣніе ею отдавало и всю гору въ его руки. Неоднократно подвигался онъ къ Большой батарее, но картечь третьяго взвода и одного орудія перваго взвода удерживала атакующихъ. Видя свои попытки безуспѣшными, непріятель, засѣвъ въ кустахъ, рывинахъ, за большими камнями, задался цѣлью уничтожить прислугу Большой батареи. Но люди прибѣгли къ вышеупомянутому заряданію «съ колѣна и съ разстановками», мало показывались изъ-за бруствера, и непріятель билъ впустую.

Въ этотъ періодъ (до 11-ти часовъ) изъ нашихъ ложементовъ вели рѣдкую перестрѣлку съ непріятельскими. Стрѣляли преимущественно болгарскія дружины и иногда стрѣлковыя роты, на скалахъ и у изгиба шоссе; остальные роты, за дальностью разстоянія, совсѣмъ не стрѣляли. На Центральной позиціи перестрѣлка была небольшая.

«Девятиглазая» продолжала стрѣлять по Стальной, но подпоручикъ Киснемскій получилъ приказаніе отъ начальника позиціи на горѣ Св. Николая, полковника графа Толстаго, беречь снаряды, совсѣмъ не отвѣчать на огонь «Девятиглазой». Ей изрѣдка отвѣчали четвертый взводъ, къ которому присоединился и штабсъ-капитанъ Пѣуновъ. Однако же, эти четыре орудія не были въ состояніи заставить замолчать болѣе сильную неприятельскую батарею, и только старались отвлечь огонь «Девятиглазой» отъ Стальной на себя. Но и это не удавалось. А между тѣмъ, Малая батарея не могла долго стрѣлять по «Девятиглазой», такъ какъ передъ нею была своя цѣль—фронтальный ложементъ. Въ то время, когда на площадкѣ появлялись сомкнутыя части, перебѣгавшія потомъ въ ложементъ, стрѣльба изъ этого послѣдняго усиливалась, какъ будто бы для прикрытія наступленія этихъ частей. Штабсъ-капитанъ Пѣуновъ пу-скалъ въ эти минуты одну картечную гранату въ самый ложементъ, а другую—въ сомкнутыя части. Къ нему присоединялось въ этихъ случаяхъ и одно орудіе съ Большой батареи. (Оказалось, что это сосредоточеніе свѣжихъ силъ въ фронтальномъ ложементѣ производилось съ цѣлью предпринять атаку на скалы; эта атака и была исполнена нѣсколько часовъ спустя, но безъ успѣха). Сознвая необходимость охвата позиціи съ фланговъ, неприятель незамѣтнымъ для насъ движеніемъ по кружной дорогѣ за высотами стягивалъ свои войска на западъ, къ Лысой горѣ. Объ этомъ намѣреніи догадались только тогда, когда съ Большой батареи замѣчено было, что по хребту по направленію къ Лысой горѣ поднимается орудіе. Тотчасъ же, по приказанію поручика Зенковича, въ него наведено было второе орудіе наводчика Горбова. Граната, пущенная на 1,200 сажень, попала въ лошадей, и орудіе свалилось въ кручу. Этому удачному выстрѣлу обязаны были тѣмъ, что въ этотъ день неприятель отказался ввезти орудія на Лысую, и гора Св. Николая, а равно и Центральная позиція, не терпѣла отъ выстрѣловъ съ Лысой, тѣмъ не менѣе орудія были подвезены ночью, или, можетъ быть, и днемъ, но скрытно.

Послѣ полудня неприятель установилъ одно орудіе на Сахарной головѣ. Это орудіе брало во флангъ Стальную батарею, а Стальная не могла стрѣлять ни однимъ орудіемъ въ этомъ направленіи, такъ какъ этому мѣшали бонеты. Пришлось уничтожить два лѣвофланговыхъ бонета, чтобы имѣть возможность стрѣлять по неприятельскому орудію. Пока, по приказанію подпоручика Киснемскаго, производилась эта работа, подъ частымъ огнемъ съ «Девятиглазой»,

бомбардиръ Мирошниковъ, командиръ горнаго орудія, открылъ стрѣльбу по Сахарной головѣ. Со втораго же выстрѣла Мирошниковъ свалилъ неприятельское орудіе. Однако, турки, сознавая всю важность стрѣльбы съ Сахарной головы, втащили на нее другое орудіе. Но уже бонеты были срыты и лѣвофланговое стальное орудіе пустило свою гранату, отъ которой слетѣло и второе неприятельское орудіе. Турки поставили третье орудіе, но и оно долго не продержалось подъ выстрѣлами стального, горнаго, съ Центральной и Круглой. Однимъ изъ выстрѣловъ съ Центральной батареи оно было свалено. Ни въ этотъ, ни въ послѣдующіе дни неприятель уже не пытался установить тутъ орудіе.

Къ двумъ часамъ пополудни стрѣльба съ батареей значительно ослабѣла. Стальная молчала. «Девятиглазая» стрѣляла очень рѣдко. Четвертый взводъ двумя, тремя гранатами разгонялъ рабочихъ на «Девятиглазой». Малая батарея рѣдкимъ огнемъ обстрѣливала ложементъ, а Большая—юго-западный скатъ. Черезъ полчаса или черезъ часъ «Девятиглазая» совсѣмъ замолчала; тогда и наши батареи прекратили стрѣльбу. Именно этимъ временемъ на «Девятиглазой» воспользовались, чтобы пополниться снарядами. Предполагая, вѣроятно, бдительность нашу ослабѣвшею, неприятель вздумалъ поднять на «Девятиглазую» выюки. Почему-то выюки эти шли открыто по восточному скату Бердека и были ясно видны. Тотчасъ же наводчикъ Степанъ Петровъ, по своему почину, наводитъ седьмое орудіе, даетъ выстрѣлъ,—и два выюка сваливаются въ эту сторону, а два другихъ скрываются на другую. Разстояніе 1,000 саж.

Въ третьемъ часу артиллерійская стрѣльба ослабѣла на всѣхъ пунктахъ; ружейный огонь не прекращался, но онъ уже не былъ такъ безпорядоченъ, какъ прежде; замѣтно было, что неприятель старался выбирать цѣли, а не стрѣлялъ на-угадъ, прямо въ гору. Видно, что неприятель какъ будто чего-то ожидаетъ, или къ чему-то собирается. На батареяхъ и въ ложементахъ были насторожѣ. Въ это время на Стальной батареѣ, въ четвертомъ взводѣ, разрядили картечную гранату выстрѣломъ по «Девятиглазой». Необходимо было прочистить орудіе отъ нагара; разряжать обыкновеннымъ способомъ не рѣшались, опасаясь разрыва, — гранату, и выпустили въ «Девятиглазую». Этого выстрѣла было достаточно, чтобы «Девятиглазая» открыла частый огонь по четвертому взводу. Огонь былъ настолько силенъ, что вездѣ встрепенулись, ожидая атаки. Четвертый взводъ отвѣчалъ живо, Стальная и Малая присоединились къ нему, и общими усиліями заставили замолчать

«Девятиглазую». (Во время этой перестрѣлки загорѣлся отъ неприятельской гранаты зарядный ящикъ четвертаго взвода. Ящикъ этотъ находился какъ разъ въ срединѣ другихъ и своимъ взрывомъ угрожалъ прочимъ. Замѣтивши это, казенный деньщикъ подполковника Дроздовскаго, Шульгинъ, бросается къ ящику и, съ помощью другихъ людей, скатываетъ его внизъ и тушитъ собственною одеждою, затѣмъ идетъ продолжать свое дѣло — ставить самоваръ «для своихъ господъ»).

Часа въ три пополудни стрѣльба изъ ложементовъ противъ скалъ усилилась. Это усиленіе огня, въ связи съ замѣченнымъ раньше того движеніемъ изъ-подъ уступа къ площадкѣ и къ ложементу сомкнутыхъ частей, давало право думать, что неприятель намѣренъ атаковать въ эту минуту скалы. Между тѣмъ «Девятиглазая» не стрѣляла. Замолчавшая на время Малая батарея снова открыла огонь по ложементу. Черезъ полчаса неприятель толпами выскочилъ изъ ложементовъ и бросился къ скаламъ. Залпъ картечными гранатами съ Малой и одинъ удачный выстрѣлъ съ Большой батареей заставили неприятеля скрыться въ ложементъ. Часть же его бросилась къ лоцинѣ, рассчитывая скрыться въ мертвомъ (отъ огня съ Малой батареей) пространствѣ; но здѣсь турки попали опять подъ выстрѣлъ съ Большой батареей. Немногіе успѣли добѣжать до лоцины; большинство же повернуло къ ложементу и бѣгомъ, въ разсыпную, достигло его. Эта атака, не поддержанная огнемъ съ «Девятиглазой», кончилась полною неудачею для неприятеля.

Артиллерійская стрѣльба опять на нѣкоторое время ослабѣла, чтобы черезъ часъ открыться съ новою силою. Девятиглазая начала бить по Стальной; ей отвѣчали Стальная, Малая и четвертый взводъ. Въ эту перестрѣлку успѣхъ остался на сторонѣ «Девятиглазой». Брустверь Стальной былъ окончательно разбитъ; уцѣлѣвшія его части на столько были распатаны, что осыпались отъ собственныхъ выстрѣловъ.

Бонеты были всѣ свалены, а въ орудіяхъ сдѣланы нѣкоторыя поврежденія, не исключавшія, впрочемъ, возможности дѣйствовать изъ нихъ. Стальная принуждена была замолчать. Тогда неприятельская батарея переноситъ весь свой огонь на Малую батарею и забрасываетъ ее массою снарядовъ. Изъ желанія, вызываемаго настоятельною необходимостью сберечь прислугу, прекращаетъ стрѣльбу и штабсъ-капитанъ Пѣуновъ. Тогда неприятелю не стоитъ большаго труда заставить умолкнуть и взводъ прапорщика Мамышева, который еще боролся и даже успѣлъ завалить одну амбразуру на Де-

вятиглазой. Залпъ изъ всѣхъ орудій по четвертому взводу подбиваетъ одно орудіе въ этомъ взводѣ, и взводъ принужденъ замолчать. (Подбитое орудіе выкатывается за турецкій брустверь и подъ ружейнымъ огнемъ тутъ же перекалывается, подъ наблюденіемъ наводчика Степана Петрова, на запасный лафетъ семью номерами, изъ которыхъ трое охотники-ополченцы, сами напросившіеся помогать). Неприятель, однако, не воспользовался этимъ временнымъ успѣхомъ, и атаки не произвелъ. Напротивъ, стрѣльба съ Девятиглазой прекратилась и даже не открывалась и тогда, когда наши батареи, переждавъ нѣкоторое время и произведя кое-какія поправки, снова стали стрѣлять по своимъ цѣлямъ рѣдкимъ огнемъ. Стрѣльба эта производилась, главнымъ образомъ, въ отвѣтъ на ружейный огонь неприятеля; это необходимо было, иначе, лишь только батареи прекращали огонь на продолжительное время, неприятель усиливалъ свой, направляя его тогда преимущественно на ложементы.

Къ вечеру артиллерійская стрѣльба прекратилась, ружейная же продолжалась до поздней ночи. Съ наступленіемъ темноты приступили къ починкамъ брустверовъ, къ исправленію поврежденной матеріальной части, къ подготовкѣ снарядовъ на завтра. На Стальной батарее осталось всего 80 гранатъ; изъ нихъ только 20 снаряженныхъ. Зарядовъ осталось немного. Необходимо было снарядить гранаты, приготовить заряды. Подпоручикъ Киснемскій собралъ кое-какія тряпки изъ собственного бѣлья и приказалъ шить изъ нихъ картузы для зарядовъ. Другая часть людей насыпала порохомъ снаряды и завинчивала въ нихъ трубки. Недоставшіеся къ снарядамъ чеки, по личной просьбѣ подпоручика Киснемскаго, къ ночи изготовлены были оружейными мастерами Брянскаго и Орловскаго полковъ. Подбитыя колеса надѣты были на испорченный лафетъ, на которое положено было и орудіе съ испорченнымъ замкомъ. Такимъ образомъ, пять орудій оставалось въ полной исправности. Всѣ эти работы были закончены къ полночи. Необходимо надо было дать отдохнуть прислугѣ, и потому работы по исправленію брустверовъ возложены были на рабочихъ отъ Орловскаго и Брянскаго полковъ. Бонеты были уничтожены, а полученною землею утолстили брустверь. На Малой батарее, при помощи командъ отъ названныхъ полковъ, также приступлено къ работамъ. Отъ бонетовъ и здѣсь отказались; вмѣсто того, по мысли одного нижняго чина, приступлено къ устройству амбразуръ. Дѣло въ томъ, что Малая батарея, имѣя передъ собою опредѣленную цѣль — Девятиглазую батарею и ложементъ на шоссе, не нуждалась теперь въ

большомъ обстрѣлѣ. Ей надо было стрѣлять теперь почти въ одномъ направленіи, и потому подѣлка амбразуръ какъ нельзя болѣе соотвѣтствовала обстоятельствамъ. Конечно, амбразуры не могли быть правильно выдѣланы, такъ какъ для того не доставало ни средствъ, ни времени, но и надобности въ отдѣлкѣ ихъ не было, тѣмъ болѣе, что все-таки желательно было сохранить и обстрѣлѣ. Поэтому амбразуры выдѣланы были въ видѣ глубокихъ, неправильнаго вида, желобовъ, съ широкимъ наружнымъ отверстиемъ. Но въ такомъ видѣ амбразуры не выполняли бы своего назначенія, и, стѣсная обстрѣлѣ, не закрывали бы орудій. Тогда приступили къ устройству бойницъ. На зарядныхъ ящикахъ оставались привязанными мѣшки съ овсомъ. Не долго думая, мѣшки опростали, набили землею и дерномъ, нарѣзаннымъ въ лощинахъ, и, такимъ образомъ, изъ десяти мѣшковъ устроили подобіе бойницъ, которыя имѣли только тотъ недостатокъ, что были широки. Сверху мѣшки были засыпаны землею и покрыты дерномъ. Имѣя въ виду, что эти амбразуры, обрисовываясь на фонѣ бруствера, облегчали бы пристрѣлку непріятельскимъ орудіямъ, штабсъ-капитанъ Пѣуновъ рѣшилъ тотчасъ же построить и тыльный траверсъ. Для образованія траверса надо было много земли, а носить ее съ турецкихъ брустверовъ было затруднительно и притомъ небезопасно, такъ какъ турецкіе стрѣлки обстрѣливали, хотя и не часто, всю гору Св. Николая. Тогда придумали за каждою амбразурою, въ тылу орудія, сложить пирамидою ранцы, закрыть ихъ дерномъ и обложить хворостомъ. Эти траверсы вполнѣ уничтожили амбразурный просвѣтъ. Къ сожалѣнію, на слѣдующій же день непріятельская граната сбила одинъ изъ нихъ и повредила другой; тѣмъ не менѣе, временная польза ихъ была ощутительна на столько, что впослѣдствіи, прежде всего, были выдѣланы амбразуры и поставлены въ тылу траверсы; существовавшіе же разобраны.

На Большой батарее съ лѣваго фланга насыпали небольшой заслонъ отъ пуль; кромѣ того, возвысили брустверь и увеличили ровики для прислуги. Такъ какъ эта батарея въ теченіе двухъ дней артилерійскому огню не подвергалась, то считали, что для нея надобны лишь закрытія отъ ружейнаго огня; поэтому всѣ работы этого дня на ней заключались только въ устройствѣ лучшихъ закрытій отъ пуль, между тѣмъ Большая батарея на слѣдующій день подверглась и артилерійскому огню, и тогда недостаточность ея закрытій имѣла свои невыгодныя послѣдствія.

Болѣе серьезныя работы въ эту ночь были произведены на Круг-

лой батарее. Еще въ полдень прибыли на позицію изъ Габрова два орудія донской № 10-го батареи; они были поставлены на Круглой батарее, но для прикрытія ихъ ничего нельзя было сдѣлать, по недостатку рабочихъ рукъ. Вечеромъ же, при помощи рабочихъ отъ Брянскаго полка, и для этихъ орудій были устроены закрытія. Самый же брустверь Круглой былъ утолщенъ, обдѣланъ дерномъ и хворостомъ, а горжа окончательно закрыта прочнымъ траверсомъ. Всѣ ровики были уширены и углублены. На Центральной батарее съ восточной стороны, для обезпеченія прислуги отъ ружейнаго огня съ этой стороны, былъ поставленъ дерновой фасъ, а ровики увеличены.

Озабочиваясь организаціей обороны тыла, начальникъ позиціи, генералъ Столѣтовъ, приказалъ насыпать еще батарею въ тылу, за Круглой батареей. Эта батарея, получившая названіе «Тыльной», была вооружена на другой день горными орудіями, стоявшими въ резервѣ; имѣя небольшое прикрытіе (полторы роты), эта батарея должна была обезпечивать тылъ позиціи отъ набѣга черкесовъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, могла служить опорнымъ пунктомъ, для обезпеченія сообщенія съ Габровымъ.

За весь день 10-го августа на батарее были незначительныя потери убитыми и ранеными; но весьма многіе нижніе чины были легко ранены или ушиблены камнями, а нѣкоторые получили серьезные ушибы; однакоже, всѣ они добровольно оставались въ строю. Благодаря этому обстоятельству, на батареяхъ оставалось еще такое число прислуги, что орудія могли дѣйствовать съ достаточною скоростью, при условіи, что и ящичные вожатые становились за орудійныхъ нумеровъ, а снаряды приготовлялись и подносились къ орудіямъ заблаговременно. Расходъ снарядовъ въ этотъ день сравнительно былъ невеликъ: изъ орудій 2-й батареи выпущено было около 450 штукъ, изъ орудій 5-й батареи—около 300; снаряды къ стальнымъ орудіямъ были всѣ выпущены; оставалось 80 штукъ. Для пополненія обѣихъ батарей на позиціи было расположено отдѣленіе 14-го парка, и потому батареи могли быть обезпечены снарядами еще на одинъ день, считая по половинѣ комплекта на каждую; для стальныхъ же орудій, кромѣ оставшихся 80-ти гранатъ, больше не было.

Въ заключеніе описанія этого дня слѣдуетъ сказать, что такъ какъ артилерійскія лошади подвергались ружейному огню, то всѣ онѣ были отправлены въ тылъ, къ Габрову; вмѣстѣ съ ними отправ-

лены были кухни и обозы и при них раненные, которые могли слѣдовать сами, такъ какъ средствъ къ лучшей эвакуаціи не было.

Въ ночь съ 10-го на 11-е число произведено было измѣненіе въ расположеніи частей пѣхоты. Наиболѣе потерпѣвшія за эти два дня орловскія роты были отведены въ резервъ, на центральную позицію; но стрѣлковая рота, какъ имѣвшая возможность стрѣлять на сравнительно дальнее разстояніе (прицѣль 1,200 шаг.), была оставлена на скалахъ. Ложементы орловскихъ ротъ были заняты ротами 1-го баталіона Брянскаго полка, причемъ стрѣлковая рота этого баталіона заняла ложементъ у изгиба шоссе. Дружины болгарскаго ополченія оставались на своихъ мѣстахъ. Начальникомъ позиціи на горѣ Св. Николая назначенъ былъ флигель-адъютантъ полковникъ графъ Толстой, а на центральной позиціи—полковникъ Ляпинскій, командиръ Брянскаго полка; общимъ же начальникомъ всѣхъ войскъ, за отъѣздомъ въ Габрово генерала Дерожинскаго, оставался генераль-маіоръ Столѣтовъ¹⁾.

Участникъ.

(Продолженіе будетъ).

¹⁾ Хроника 9-й артиллерійской бригады.